

сценарий этого фильма, А. писал: «Убить самое убийство, и не одно лишь атомное, но и всякое иное, только так можно навсегда убить Гитлера» (СС. Т. 4. С. 545).

В 1970-е А. продолжает работать в жанре критики и литературоведения. Выходит ряд его книг: **«Масштабность прозы»** (1972), **«Горизонты белорусской прозы»** (1974), **«Издали и вблизи»** (1976). В них особую значимость приобретают проблемы связи белорусской лит-ры с др. славянскими лит-рами (творчество К. Чорного, М. Горецкого, И. Мележа, В. Быкова и др.). В этот период А. пишет статьи **«По праву любви»** (1980), **«Достоевский после Достоевского»** (1981), **«Ничего важнее»** (1982) и др.

Чернобыльские события лета 1986 вызвали активную публицистическую деятельность писателя. А. добивается личной встречи с главой государства, сообщает ему замалчиваемую властями правду о происходящих событиях. Проблема ядерного апокалипсиса находит свое отражение в произведении А. **«Последняя пастораль»** (Новый мир. 1987. № 3).

В 1987 А. переезжает из Минска в Москву и становится там директором НИИ киноискусства. В мае-июне 1989 А. в качестве депутата принимает деятельное участие в работе I Съезда народных депутатов СССР. Митинги и съезды, в которых участвовал А. в эти дни, не помешали ему в конце 1991 закончить работу над повестью **«Венера, или Как я был крепостником»** (Неман. 1992. № 7).

В последние 2 года писатель серьезно болел. Из общественного деятеля он превращается в летописца и мемуариста. Свою итоговую разножанровую исповедально-документальную книгу **«Vixi»** (**«Прожито»**, 1993–94), над которой А. работал до самых последних дней, закончить не успел. В опубликованной 1-й и незаконченной 2-й части книги писатель вновь возвращается к толстовской теме «войны и мира», жизни и смерти, к политическим, философским, к психологическо-физиологическим рефлексиям, связанным с его молодостью, с чистой и сентиментально-грустной историей его юношеской послевоенной любви. Смысл своей завершающей книги писатель видел в том, чтобы «взглянуть на многое (и на самого автора романов) из такого будущего, где уже виден край жизни» (Дружба народов. 1993. № 10. С. 49). «Алесь Адамович,— говорилось в «Лит. газ.» после смерти писателя,— отдал все силы борьбе против тоталитаризма, за демократическое обновление народной жизни». Его об-

щественный и литературный труд был назван **«подвижническим, а жизнь — подвигом»** (Лит. газ. 1994. № 5. С. 3).

Соч.: Избранные произведения: в 4 т. Минск, 1995; Избранные произведения: в 2 т. Минск, 1977; «Мут» по-немецки — «мужество»: рассказ // Аврора. 1985. № 11; Отвоялись!: сб. статей и выступлений. М., 1990; Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга: Главы, которых в книге не было // Звезда. 1992. № 5, 6; Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. СПб., 1994; Vixi (Прожито): Законченные главы незавершенной книги // Дружба народов. 1993. № 10; Сидели мы на крыше... (Vixi-2) // Дружба народов. 1995. № 1; Единственная моя жизнь... (Vixi-2) // Дружба народов. 1996. № 3; Делать дело — всю жизнь и постоянно...: Из записных книжек разных лет / публ. В. С. Адамович, Н. А. Шугаиной-Адамович // Вопр. лит-ры. 1999. № 5; Из «Зеленой тетради». 1987 год // Вопр. лит-ры. 2001. № 4.

Лит.: Конечный В. У каждого был свой спаситель // Дружба народов. 1980. № 5; Шубин Л. Боль и память // Лит. обозрение. 1982. № 12; Белая Г. А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. Терновский А. В. Книги о войне и мире // Лит-ра в школе. 1985. № 2; Лисовский И. Дыхание зверя // Лит. обозрение. 1989. № 7; Гранин Д. Послесл. к недописанной части исповеди А. Адамовича «Сидели мы на крыше...» // Дружба народов. 1995. № 1; Гранин Д. Друг мой Алесь. Из воспоминаний об А. Адамовиче // Вопр. лит-ры. 1995. Вып. 1; Лазарев Л. Без страха и упрека: Воспомятая и перечитываемая А. Адамовича // Знамя. 1995. № 6; Давыдов Ю. В. Нежность // Дружба народов. 1996. № 3; Перуанская В. Вспомятая Алесь Адамовича, и не только его... // Вопр. лит-ры. 1997. № 6.

В. С. Федоров

АДАМОВИЧ Георгий Викторович [7(19).4.1892, Москва — 21.11.1972, Ницца] — поэт, эссеист, лит. критик, переводчик.

Отец, поляк по происхождению, руководил (в чине генерал-майора) крупным военным госпиталем в Москве. Сестра — хореограф Татьяна Викторовна Адамович (в замужестве Высоцкая), до своего переезда в 1918 в Варшаву, где открыла балетную школу, была близко знакома с А. А. Ахматовой, М. А. Кузминым, Н. С. Гумилевым (последний посвятил ей сб. «Колчан»), оставила интересные мемуары (Wysocka T. Wspomnienia. Warszawa, 1962). Учился во 2-й московской гимназии, затем в 1-й классической в Петербурге, куда семья, испытывая материальные стеснения, была вынуждена переехать после смерти отца. В 1910 поступил на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та (окончил в 1917).

Еще будучи гимназистом, начинает серьезно интересоваться лит-рой, особенно увлекается французской и русской поэзией.

В университетские годы сближается с акмеистами. В 1913 получает приглашение участвовать в собраниях первого «Цеха поэтов» и вскоре становится членом его внутреннего круга, куда, среди прочих, входили А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, Г. В. Иванов. В этот период его стихи впервые появляются в петроградской печати. В 1915 опубликовал стихи «**Балтийский ветер**» (Голос жизни. № 12), «**Элегия**» (альм. «Зеленый цветок»), «**Оставленная**» (Огонек. № 17), «**Вот все, что помню: мосты и камни...**» (Новый журнал для всех. № 6), «**Так беспощаден вечный договор...**» с посвящением Ахматовой (Новый журнал для всех. № 8), а также рассказы «**Веселые кони**» (Голос жизни. № 8), «**Свет на лестнице**» (Огонек. № 40). Позже печатал стихи и рассказы в «Северных записках», «Биржевых ведомостях», «Аполлоне», участвовал в альм. и сб. «Вечер „Триремы“ V...» (Пг., 1916), «Тринадцать поэтов» (Пг., 1917), «Свирель» (Пг.; Томск, 1917), «Весенний салон поэтов» (М., 1918) и др.

В янв. 1916 в изд-ве «Гиперборей» выходит первый поэтический сб. А. «**Облака**», включавший 25 стих. Рецензенты дружно отметили безупречный вкус автора, сказавшийся, однако, не столько в оригинальном творчестве, сколько в умелом следовании избранным образцам (отмечалось влияние Блока, Анненского, Кузмина, Ахматовой, Вердена). В. Ф. Ходасевич находил вообще преждевременным давать оценку его стихам: «Говорить о г. Адамовиче значило бы пока говорить о его учителях, что не входит в нашу задачу» (Утро России. 1916. 5 марта). В обзоре новых книг поэтов акмеистического круга Гумилев определяет его как «поэта во многом не установившегося», в чьих стихах иногда проглядывает «своеобразие мышления, которое может вырасти в особый стиль и даже мировоззрение» (Аполлон. 1916. № 1). Позднее сам автор рассматривал эти стихи только как первые шаги на пути к обретению индивидуальной манеры, что в целом отвечало сдержанно-выжидательной позиции, занятой критикой. Примечательно, что А., широко включая во все свои последующие сб. и подборки стихи предыдущих периодов, в т. ч. и самые ранние, ни одного стих. из первой книги никогда не перепечатал. Вместе с тем в «Облаках» угадываются характерные черты и приемы из числа тех, что станут доминирующими в его зрелом творчестве. Уже здесь А. экспериментировал с употреблением разговорных и даже подчеркнуто бытовых слов и интонаций. Применением намеренно «не-

Г. В. Адамович

поэтических» образов и снижающих прозаизмов («лохмотья мокрой парусины», «облезлый вокзал», «поломанные георгины» — «**Так тихо поезд подошел...**») он подчас близко напоминает Ин. Анненского. Сближает «Облака» с последующими сб. и значительный удельный вес лит. и мифологических реминисценций, что определяет собой своеобразный «диалогический» характер этих стихов, их обращенность на широкий культурный контекст.

В 1916–17 А. вместе с Г. Ивановым возглавляет 2-й «Цех поэтов», объединивший представителей постакмеистической молодежи. После 1919 входил в руководящее ядро 3-го «Цеха», активно печатался в его альм. В этот период А. впервые обращается к критическому жанру: 3-й альм. «Цеха поэтов» почти наполовину составлен из его статей и рецензий. Одновременно в изд-ве «Всемирная лит-ра» он начал свою карьеру переводчика (Ш. Бодлер, Ж.-М. Эредиа и др.). Совместно с Гумилевым и Г. Ивановым осуществил перевод «Орлеанской девственницы» Вольтера, опубликованный названным изд-вом в 1924 под ред. М. Л. Лозинского.

Стихи 1916–22 вошли во второй сб. А. «**Чистилище**» (1922). Как и в «Облаках», здесь преобладают настроения одиночества и тоски, с той существенной разницей, что за мн. из собранных здесь 47 стих. стоит реальный опыт его «первого изгнания»: ранней весной 1919, в самые тяжелые времена «военного коммунизма», А. был вынужден уехать

в Новоржев (близ Пскова), где в течение почти 2 лет работал учителем в местной школе. Образ пустынного, занесенного снегом края будет определять впредь тональность многих его стихов в России: «Господи! И умирая, / Через полвека, едва ль / Этого мертвого края, / Этого мерзлого рая / Я позабуду печаль...» («Холодно. Низкие кручи...»).

Мн. стихи сб. были построены на сложном переплетении мотивов, часто цитатного характера. А. «обращается» (преимущественно в форме аллюзий и парафраз) к Блоку, Анненскому, Лермонтову и др. Для использования этого приема А. характерна размытость грани между «своим» и «чужим» текстом, вплоть до их взаимного «освещения». Поводом для лирических импровизаций, уводящих его, как ранее «Облака», в мир романтических грез, становятся образы Р. Вагнера и Г. Ибсена, «Слова о полку Игореве», события французской революции и российской истории. Отвлеченной экзотике «Облаков» здесь соответствуют Елена Прекрасная и мадам Дю Барри, ждущий Изольду Тристан, Наполеон при Ватерлоо, дуэль Пушкина, князь Игорь, император Павел I... Эти и др. романтические образы и мотивы вращаются вокруг уже знакомых по первому сб. личных тем смерти и судьбы. Но если в «Облаках» А. еще не обрел собственного поэтического лица, тематически и стилистически следуя в русле чужих поэтов, то в «Чистилище», вопреки намеренной стереотипности ситуаций и условиям неоромантической топики, его голос определенно индивидуален и отчетлив.

В стих. **«Нет ты не говори: поэзия — мечта...»**, написанном в 1919 в Новоржеве, А. впервые выразил свое понимание сущности и природы поэтического творчества. Опираясь на высказывание Рильке о подлинной цене поэзии, он весь долгий и многотрудный жизненный путь рассматривает только как предуготовление к тому, чтобы в самом конце его «Пять-шесть произнести как бы случайных строк, / Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный, / Растерянно шептал на казнь приговоренный, / И чтобы музыкой глухой они прошли / По странам и морям тоскующей земли». Впервые опубликованное в первом сб. «Цеха поэтов» (Дракон. Пг., 1921) и неизменно включаемое во все последующие сборники и антологии, оно стало если не поэтическим манифестом, то своего рода лирическим исповеданием А.

Едва ли не единственный отзыв на эту книгу прозвучал из Парижа. В своем обзоре классического направления в совр. русской поэзии К. Мочульский противопоставил ее

«чистому парнасизму» Г. Иванова, находя дарование А. «более гибким и динамичным». «Фактура его нервна, угловата, порывиста, он эмоционален и даже патетичен» (Совр. записки. 1922. № 11. С. 379). В самой России новый сб. остался практически незамеченным. Лит. и политический климат в стране изменился. За несколько месяцев до выхода в свет «Чистилища» был казнен Гумилев (посвящение сб. «Памяти Андрея Шенье», возможно, является намеком на его судьбу). Умер Блок. К началу 1923 мн. из петроградских литераторов уже выехали за границу. Эпоха, которую В. Вейдле однажды назвал «золотым временем нашего Серебряного века», закончилась.

Весной 1923 А. выехал в Ниццу к родным, первоначально рассчитывая через несколько месяцев вернуться в Россию. В авг. поселился в Париже, где начинает сотрудничать в критическом отделе газ. «Звено». В эмиграции поэтическая активность А. резко пошла на убыль. Продолжая изредка печатать стихи в различных периодических изданиях, он сосредоточивает основные усилия в лит. критике. К концу 1924 А. возглавил лит. отдел «Звена», где он вел — под рубрикой «Отклики» и псевдонимом Сизиф — еженедельный обзор новостей культурной жизни и получившие широкую известность далеко за пределами Парижа «Лит. беседы». Именно в «Лит. беседах», в их свободной необязательной форме, позволяющей легко переходить от одного предмета к другому, где особенно важна интонация и общая эмоциональная окраска, как бы разговорной речи, с повторами, отступлениями и «приблизительностью» цитат, А. найдет свой особый стиль и тот неповторимый «тон», который будет отличать его статьи от более традиционных, в академическом духе написанных работ совр. критиков (Н. М. Бахтин, К. В. Мочульский, П. М. Бицилли и др.). Лит. противники часто упрекали его в непоследовательности и ловили на противоречиях, однако тонкое чутье критика, оригинальность его суждений и манера, в которой они преподносились, практически всегда обеспечивали его статьям широкий отклик, особенно среди молодых литераторов.

Формально принадлежа к т. н. «среднему поколению» (его лит. дебют состоялся в России, но широкой известности он там не достиг), А. вскоре становится главным выразителем интересов «молодых» поэтов, т. е. начавших писать уже в эмиграции и искавших собственных путей. 1925 и последующие годы, названные Ю. Терапиано «героическим

периодом в жизни парижской молодой литературы» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 98), стали эпохой пересмотра и переоценки всего наследия прошлого — символизма, акмеизма, футуризма. В значительной степени эти «ревизии», их характер и направленность, определялись статьями А. или прямо были ими инспирированы.

По мере упрочения его авторитета как критика А. значительно расширяет сферу своей деятельности и круг знакомств. Зимой 1925–26 он сближается с Мережковскими и вскоре становится неперенным участником их «Воскресений» («последнего русского лит. салона»). Знакомство с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским оказало известное влияние на его отказ от участия в дальнейших попытках возродить «Цех поэтов» в Париже, предпринимаемых «экс-акмеистами» с 1923, и способствовало решительному переводу разговора в его статьях о поэзии из плоскости «как» в плоскость «что». (Ср. в заметке, посвященной молодым пражским поэтам: «Наиболее важный вопрос: это о чем они пишут — не как, но что» // Дни. 1928. № 1348. 4 марта.)

Самый акмеизм как направление берется им под сомнение. Отход от его принципов ощутим уже в стихах «Чистилища», а материалы 4-го альм. «Цеха поэтов» (Берлин, 1923) свидетельствуют, что это было тенденцией, общей для трех «петербургских поэтов» — А., Г. Иванова и Н. А. Оцупа. (Ср. позднее утверждение Оцупа о том, что акмеизм «придумал Гумилев, перенос в теорию свои собственные склонности».)

Характер ранних стихов А. в значительной степени определялся его увлечением символистской поэзией Блока и Анненского, отчасти приглушенным в годы «цеховой» выучки, где главными требованиями были ясность и отчетливость «недвоящегося» фокуса. Теперь, во многом благодаря отношениям с Гиппиус, возобновляется его прежний интерес к периоду русской культуры до 1910. Вслед за Гиппиус А. заговорил о «самом главном» в искусстве и лит-ре и не только ввел это понятие в свои лит.-критические статьи, но и использовал его как оценочный критерий.

С возникновением в начале 1927 под эгидой Мережковских лит. общества «Зеленая лампа» А. принимает активное участие в его деятельности. В докладе, прочитанном А. на 5-м заседании «Зеленой лампы» в июне 1927, он подверг анализу метафизические и религиозные основания искусства (см. стенограмму заседания в книге: Терапиано Ю. Встречи. 1953. С. 65–82). В нояб. 1927

А. открывает «цикл чтений и практических занятий по современной русской и современной французской литературе» (в 1927–28 в Париже и Ницце им были прочитаны лекции, посвященные Блоку, Анненскому, Гумилеву, Ахматовой, Мандельштаму, Маяковскому, Белому, Ходасевичу, «Серапионовым братьям» и др.).

К концу 1927 начинает сотрудничать в «Днях» и принимает приглашение возглавить лит.-критический отдел «Последних новостей», самой популярной газ. эмиграции. Его стихи и статьи публикуются в солидных «Совр. записках». В конце 1920-х — начале 1930-х А. становится одной из наиболее влиятельных фигур в культурной жизни русской диаспоры и ее главным летописцем, отзываясь в своих статьях и обзорах буквально на все — начиная от нового поэтического сб. или последнего заседания «Зеленой лампы» и кончая вопросами назначения искусства и судеб эмиграции.

Среди многочисленных изд., в которых сотрудничал в этот период А., особое место занимали «Числа» (1930–34), где он вел отдел критики. Этот ж. был задуман Г. Ивановым, Оцупом и А. с целью «привлечь к работе все действенно-новое, независимо от литературного возраста сотрудников» и был посвящен исключительно вопросам лит-ры и искусства. В результате, как писал А. по случаю выхода в свет юбилейного 10-го (и оказавшегося последним) сб., «„Числа“ сгруппировали вокруг себя почти всю русскую элиту и широко открыли страницы журнала молодым, тогда еще только начинавшим писателям и поэтам». А. печатал в «Числах» рецензии и заметки (некоторые из них подписаны псевдонимом Ю. Суцев) и знаменитые «Комментарии», «оказавшие, — по воспоминаниям Г. Иванова, — такое громадное влияние на целое „незамеченное поколение“» (Новый ж. 1955. № 43. С. 296). «Комментарии» построены в виде отдельных, иногда предельно сжатых суждений, оценок, «впечатлений», характеристик. Сугубо личный и даже пристрастный характер иных высказываний подчеркнут приданием им намеренной незаконченности дневниковых записей, отрывков «из письма» или «из разговора». «Статьи эти — антиподы блестящих газетных фельетонов — написаны для немногих, без оглядки на читателя, — отмечал Г. Иванов. — Порой даже кажется, что они написаны только для самого себя. <...> Разговор, который можно вести только в одиночестве, освещающий самую скрытую суть поэзии — и Адамовича» (Там же). Темы искусс-

ва тесно переплетены здесь с темами общего мировоззрения, и «вечных вопросов» поднято в «Комментариях» не меньше, чем собственно «литературных». «Это — вольное философствование о многом, для него самом существенном», — писал о «Комментариях» И. Чиннов, указывая особо на присущее им — при внешней «отрывочности и порой даже противоречивости» — «органическое и стройное единство» (Новый ж. 1972. № 109. С. 136–137). Единство находил в «Комментариях» и Ю. Иваск, подчеркивая, однако, что единство это не в выводах и не в итогах («Адамович ответов не дает и давать их не хочет»), но — «в вопрошаниях и порой даже в домогательстве истины» (Мосты. 1968. № 13–14. С. 228, 230).

О влиянии, которое оказали «Комментарии» на весь довоенный «Монпарнас», т. е. на молодых эмигрантских поэтов и писателей, облюбовавших для своих встреч и собраний некоторые кафе этого парижского бульвара, один из их представителей позднее вспоминал так: «Можно без преувеличения сказать, что очень и очень многие молодые поэты и писатели зарубежья „думали по Адамовичу“, воспитывались на нем, проверяли свои мысли и свое мироощущение по „Комментариям“» (Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 163). Т. н. «парижская нота» русской поэзии, поэтическое течение, которое начало формироваться со второй половины 1920-х, получила в «Комментариях» А. свой определенный «тон» и свою «идеологию».

В формальном аспекте «парижская нота» (или, в формулировке Иваска, «нота Адамовича»), с ее намеренной приглушенностью тона, некоторой тусклостью красок и общим настороженным отношением к образности, восходит к тем принципам акмеистической поэтики, которые, преимущественно в версии А., утвердились среди парижских поэтов к середине 1920-х и получили развитие в следующие 15 лет. Основные формальные составляющие будущей «ноты» («логический строй речи, прозаический порядок слов, точность языка, отсутствие метафор, молчаливое недоверие к свободному стиху») отстаивались А. еще в статье, опубликованной в последнем альм. «Цеха поэтов» в 1923. Обращенность парижских поэтов к т. н. «конечным вопросам» человеческой жизни и судьбы, их стремление искать «последней сути вещей» вели к сознательной тематической суженности этой поэзии, к ее сосредоточенности на нескольких основных темах о «самом главном» — жизнь, смерть, любовь, судьба, роди-

на, одиночество человека, Бог. Своим «метафизическим» аспектом «парижская нота» отчасти была обязана влиянию Гиппиус и «Зеленой лампы», что знаменовало собой возврат к доакмеистическому периоду русской литературы, и в первую очередь к символизму. В. Марков позже охарактеризовал «парижскую ноту» как «акмеистскую по плоти и символистскую по духу» (Мосты. 1958. № 1. С. 175). Как своего рода синтез символизма и акмеизма рассматривал ее и Иваск (Русская мысль. 1960. 21 янв.).

В 1934 А. совместно с М. Л. Кантором начал издавать ежемесячный ж. «Встречи». В отличие от «Чисел» новый ж. был рассчитан на более широкий круг читателей и включал также статьи на общественно-политические, экономические и науч. темы. А. поместил во «Встречах» несколько рецензий и статей, одна из которых, под названием **«Незнакомка»**, была посвящена изменениям, происходившим как в самой советской литературе, так и в отношении к ней на Западе. А., который прежде старался отмечать все достойное внимания в беллетристике новой России и которого другие критики (например, А. Л. Бем) упрекали в чрезмерном увлечении советской литературой и пренебрежении к эмигрантской, теперь писал: «Советская литература мало-помалу перестает интересовать потому, что мы уже не понимаем, о чем она говорит. Иной мир: века и пространства разделяют нас. Остается только теоретическое влечение, слабеющее при первом же столкновении с реальностью...» (Встречи. 1934. № 1. С. 17–18). Издание прекратилось через полгода не только из-за проблем с финансированием (ж. оказался убыточным), но и из-за трудностей, испытываемых редакторами с получением добротных лит. материалов (см.: Струве Г. О парижском журнале «Встречи» с приложением переписки двух редакторов // Новый ж. 1973. № 110. С. 217–246).

В конце 1935 в берлинском изд-ве «Петрополис» под их же совместной редакцией был издан сб. «Якорь» (на обложке — 1936), ставший первой антологией русской зарубежной поэзии. В него вошли стихи более 70 поэтов, «маститых» и молодых, представлявших различные культурные центры русской эмиграции.

Собственные стихи А. продолжал печатать нерегулярно и крайне скупо (отд. публикации в «Новом корабле», «Совр. записках» и «Числах»). Его первый в эмиграции поэтический сб. **«На Западе»** вышел в Париже лишь в 1939, через 17 лет после предыдущего, причем из 48 вошедших сюда стих. 10 бы-

ли написаны до эмиграции и только 5 датированы 1935–39. Поэтическая «немногословность» А. (всего опубликовал ок. 170 стих., включая переводы) в значительной степени определялась его лит. позицией. «Он не уставал повторять, что поэзия умерла, что надо перестать писать стихи» (Федотов Г.—С. 232) и отвечала общей тенденции поэзии «парижской ноты», «стремящейся — почти до самоуничтожения — сделать свою метафизическую суть, как бы обратно пропорциональной ее воплощению в размерах и образах» (Иванов Г. // Числа. 1931. № 5. С. 232).

31 авг. 1939 была напечатана последняя его статья довоенного периода. В первых числах сент. А., в возрасте 47 лет, идет волонтером во французскую армию. После капитуляции перебирается в неоккупированную зону и лишь в начале 1946 возвращается в Париж. В 1947 публикует написанную на французском яз. книгу воспоминаний **«L'Autre Patrie» («Иное отечество»)**, куда, помимо записей, отразивших опыт военного времени, он включил свои размышления о судьбе христианства, о России и Западе, о коммунизме и «русской душе», о Наполеоне, Гитлере, Сталине, Христе, а также о множестве произведений французской и русской литературы, с особым акцентом на популярном тогда во Франции Достоевском. Адресованная французам книга привлекла внимание главным образом российских, а не «иных» соотечественников и вызвала самые разноречивые отклики в эмигрантской прессе. Если А. Бахрах объяснял ее своеобразие влиянием мемуаристики А. Жиды и даже «Мыслей» Паскаля (Русские новости. 1947. 18 авг.), а Оцуп видел в ней развитие традиций Толстого, Блока и Пушкина (Новоселье. 1948. № 37–38. С. 130–137), то у Г. Струве парадоксальность некоторых взглядов А. и редкая в русской лит-ре форма неповествовательной прозы вызвали иные ассоциации. Общий тон книги он определил как «морально-безответственный» и сравнил автора «Иного отечества» с Василием Розановым, «циническим» — в определении Струве — писателем, стоявшим вне вопросов морали (Русская мысль. 1951. 13 июня). Но самую неожиданную и резкую реакцию книга А. вызвала у его давнего друга и соратника по «Цеху поэтов» Г. Иванова. В статье, озаглавленной «Конец Адамовича» (Возрождение. 1950. № 11. С. 179–186), он выразил протест по поводу «просоветского» характера этих мемуаров и обвинил А. в сотрудничестве с «большевистской» прессой (в 1946 А. возобновил рубрику «Лит. заметки» в новосозданных

«Русских новостях», где в отношении послевоенной России преобладал «патриотический» тон). Только в 1954 будут восстановлены их прежние дружеские отношения с Г. Ивановым.

В 1949 А. оставляет «Русские новости» и начинает печататься в «Новом русском слове» (Нью-Йорк), а с 1956 — в парижской «Русской мысли». Сотрудничество А. в этих двух крупнейших газ. послевоенной эмиграции, хотя и нерегулярное, продолжалось до самой его смерти. В 1951, получив приглашение, А. уезжает в Манчестер (Англия), где в течение 10 лет читает курс лекций по русской лит-ре в местном ун-те. В 1960-х живет в Париже и Ницце, пишет для мюнхенской радиостанции «Свобода» серию очерков, посвященных деятелям русской культуры. Скончался А. в Ницце после повторного сердечного приступа в возрасте 79 лет. Незадолго до смерти он совершил поездку в США, где прочитал ряд лекций. Его выступления там имели большой успех и широко освещались в прессе.

Послевоенная продукция А. тематически и жанрово многообразна. Центральное место в ней принадлежит двум большим книгам лит.-критических эссе — **«Одиночество и свобода»** и **«Комментарии»**. В «Одиночестве и свободе» (Нью-Йорк, 1955; 2-е изд. СПб., 1993) А. пытается подвести итог целому периоду бытования русской лит-ры за рубежом. При этом он не ставит своей целью дать сколько-нибудь полный обзор эмигрантской лит-ры или представить законченные портреты-характеристики ее главных представителей. Это скорее лит. портрет завершившейся эпохи, попытка воссоздать ее духовную и интеллектуальную атмосферу. В «Одиночестве и свободе» нет однозначных оценок и выводов, и сомнений здесь высказано не меньше, чем надежд. И все же основная тональность книги определяется его убежденностью в том, что «понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общее русское дело» (Одиночество и свобода. С. 11). Изданный в 1967 в Вашингтоне сб. «Комментарии» объединил под одной обложкой статьи и эссе, выходившие под этим общим заголовком с 1930 по 1967 в различных периодических изд. («Числа», «Совр. записки», «Новоселье», «Опыты», «Новый ж.»). Сюда же А. включил 3 статьи — **«Наследство Блока»**, **«Поэзия в эмиграции»** и **«Невозможность поэзии»**, продолжающие и развивающие темы «Комментариев».

Опубликовал также отд. изд. «Л. Н. Толстой» (Париж, 1960), «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (Париж, 1961; французский и английский переводы — 1962) и сб. «О книгах и авторах: Заметки из литературного дневника» (Париж, 1967), куда вошли некоторые из очерков, написанных для радиостанции «Свобода».

С 1945 по 1971 печатался во «Встрече», «Русском сб.», «Новоселье», «Опытах», «Новом ж.», «Воздушных путях», «Мостах». Около 30 статей, помещенных А. в этих периодических изд., представляют собой ценный вклад в критическую, мемуарную и философскую лит-ру русской эмиграции. Послевоенная поэзия А. печаталась в «Опытах», «Гранях», «Новом ж.», различных антологиях эмигрантской поэзии. Четвертый и последний поэтический сб. А. «Единство» вышел в Нью-Йорке в 1967. Др. публикации этого периода включают редкие у А. примеры повествовательной прозы («Начало повести», 1966, и «Игла на ковре», 1970, обе — в «Новом ж.»), биографию видного политического деятеля эмиграции В. А. Маклакова (Париж, 1959) и перевод «Постороннего» А. Камю (Париж, 1942; перепеч. в сб.: Мастерство перевода. М., 1971. № 8).

Соч.: СС. Т. 1–4. [Изд. продолжается]. СПб., 1998–2000.; Одиночество и свобода: Лит.-критические статьи. 2-е изд. СПб., 1993; Стихотворения. Томск, 1995; Критическая проза. М., 1996.

Лит.: Федотов Г. П. О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк. 1942; То же // Вопр. лит.-ры. 1990. № 2; Иваск Ю. О послевоенной эмигрантской поэзии // Новый ж. 1950. № 23; Ульянов Н. О сути [о кн.: Г. Адамович. «Комментарии». Нью-Йорк, 1967] // Новый ж. 1967. № 89; Иваск Ю. «Комментарии» и «Единство» Г. Адамовича // Мосты. 1968. № 13–14; Чиннов И. Вспоминая Адамовича // Новый ж. 1972. № 109; Hagglund R. A. Vision of Unity: Adamowich in Exile. Ann Arbor (Mich.), 1985.

И. И. Долгов

АЖАЕВ Василий Николаевич [30.1(12.2).1915, д. Соцкое Московской губ.— 27.4.1968, Москва] — прозаик.

Начал печататься в 1934, в 1944 окончил Лит. ин-т им. Горького. 19-летним юношей по ложному доносу А. был арестован, полностью отбыл срок, оставшись затем работать на Дальнем Востоке в качестве вольнонаемного еще на 15 лет. Эти годы описаны им в повести «Вагон» (1964) и в ряде рассказов («Предисловие к жизни», «Бегство

Грезина», «Бесконечное свидание», «Интересная книга жизни», «В поисках счастья» и др.). Наиболее автобиографичной, исповедальной, необычной по сочетанию суровой документальности с лиризмом, острого ожидания чуда с отчаянием является повесть «Вагон». Она написана через много лет после прославившего его романа «Далеко от Москвы», но даже в 1964 ж. «Дружба народов» под идеологическим предлогом отказался публиковать уже полностью подготовленную к печати повесть. Она вышла лишь через 25 лет — уже после смерти автора.

Роман «Далеко от Москвы» (1948) был написан А. на Дальнем Востоке (до опубликования роман несколько лет пролежал в «сыром виде» в ж. «Дальний Восток»). В центре произведения — огромная стройка, завершение которой в срок (а дело происходит в годы войны) имеет первостепенное, даже жизненное значение для всех вовлеченных в эту работу людей. А. создал в романе немало выразительных характеров: Алексея Ковшова, Беридзе, Залкинда. Писатель как бы продолжил традицию советского производственного романа 1930-х — «Время, вперед!» В. Катаева, «Энергия» Ф. Гладкова и др. Та же поэзия темпа, скорости выполнения и опережения плана, что дополнительно было оправдано и подстегнуто атмосферой войны. Читатель тех лет, горячо восприняв-

В. Н. Ажаев